

Смысл одного композиционного приема волшебной сказки (освобождение от «бесовского» начала)

В народной сказке есть прием, подлинную суть которого трудно понять без осмысления одного сюжета, изложенного в Евангелии от Матфея (8: 28—34) и в Евангелии от Луки (8: 26—39). Это освобождение человека от «бесовского» начала, являющегося для него чем-то инородным, чуждым, противостоящим природной норме, в которой заложены лучшие качества человека.

На глубинный смысл сюжета, изложенного в 8 главе Евангелия, обратил внимание Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) [1], дав разъяснение ему с точки зрения философии богословия. В обоих Евангелиях описывается, как Господь после бури на Галилейском озере прибывает со своими учениками в страну Гадаринскую, и там его встречает «бесноватый» человек, который не мог жить с людьми из-за «некоей внутренней силы, в нем жившей» [1; 143] и мучительно его терзавшей. Он же был бессилён избавиться от нее. Непокрытый одеждой, он жил в «гробах — маленьких пещерках в скалах». Увидев светлый облик Господа, он кричит, но не убегает, потому что именно светлая сила Иисуса Христа неудержимо влечет его к себе и в то же время злая сила, заключенная в нем самом, мучает его, но она бессильна обратить его в бегство.

«Что тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего? Умоляю Тебя, не мучь меня...» Бесовская сила кричит от имени человека: «...бес хочет представить, будто Иисус мучает человека. Бес пытается спасти себя...» [1; 144]. Измученный человек (бесноватый), кажется, не мог с первого взгляда узнать силу Всевышнего Бога в человеке, но он почувствовал ее. И, более того, бесы, сидящие в нем, уже знают — это «опытное восприятие Огня Божественного, жгущего телесное естество» [1; 144]. Поэтому языком несчастного бесноватого злой дух кричит, испытывая от близости Иисуса Христа страдание.

Иисус велел нечистому духу выйти из человека, чтобы освободить его от беспокойства, так как злой дух хотел погубить человека в пустынном уединении вдали от людей, от которых можно было бы полу-

чить помощь, но не смог. Его воля, направленная на разрушение, обращается на стадо свиней, которое паслось тут же, «и бесы просили Его, чтоб позволил им войти в них» (8: 32).

Когда бесы кричали от имени человека, их просьба не могла быть исполнена. «Как только они заговорили своим голосом, появляется возможность у Господа даже их просьбу исполнить» [1; 154]. Бесы хотят войти в свиней, чтобы задержаться в атмосфере земли, дабы «не идти в бездну» — «глубину самости твари, отъединившейся от Бога...» [1; 155] и находящей в себе «призрачное удовлетворение в постороннем для себя предмете... обладание свиньями казалось бесам спасением...» [1; 155—156].

Господь же, изгнав бесов из человека, позволил им войти в свиней для того, чтобы они были обнаружены. И в этом было их поражение, потому что бесами должно было «наиболее ярко выявиться зло перед нравственно-инертным сознанием человечества» [1; 163]. Единственный путь спасения — принятие Божественного света, того, что нес с собою Иисус Христос; это и есть спасение от власти «бесовского» начала, которое несет человечеству физические и духовные страдания.

Если обратиться к устному народному творчеству, то можно увидеть, что власть злого, нечистого начала в человеке получает свою интерпретацию, генетически восходящую к язычеству, но испытавшую сильное влияние христианства. Нравственная основа человека осмысливается в фольклоре как самостоятельная сущность, заложенная в теле человека. Она еще не сформулирована в системе вербальных дефиниций, но есть четкое понятие о добре и зле, составляющих основу индивидуума.

Фольклор — клишированное искусство, поскольку многие его положения мировоззренческого, философского и морально-этического плана запечатлены в определенных формулах и приемах. Об этом писали такие исследователи фольклора, как А.Н.Веселовский, В.Я.Пропп, В.П.Аникин и многие другие. Из теории «клише» наше внимание привлек один из приемов, встречающийся в волшебной сказке и являющийся воплощением нравственного начала в человеке, причем не на вербальном уровне, а в предметно-чувственном плане как зло, искажающее подлинную сущность человека.

Следует оговориться, что зло может быть представлено и через внешнюю свою форму (когда страдает тело человека и его внешний облик), и через внутреннюю, как уже было сказано, разрушающую человеческую душу. Причем нас интересует тот момент, когда разрушение идет не от человека (как, например, в очень распространенном мотиве волшебной сказки, в котором говорится о том, как старшие братья из зависти убивают младшего), но при помощи «живой» и «мертвой» воды

происходит его воскрешение, и инобытие рассматривается героем как тяжелый сон. Нас интересует разрушающее начало от inferнальных сил, когда зло поселяется в человеке и начинает функционировать в нем как отдельная самостоятельная сущность.

Трудно ответить на вопрос, что же было раньше — народное представление о разрушающем человеке зле или христианские воззрения на него, которые повлияли на народную сказку, но то, что такое влияние было, не вызывает сомнения.

Если обратиться к первому моменту — зло как inferнальное начало, то в качестве примера можно привести сказку из собрания А.Н.Афанасьева «Заколдованная королева» [2; II, № 271]. Иван — купеческий сын — главный персонаж сказки, проходя через сложные жизненные ситуации, оказывается в великолепном дворце «из чистого мрамора» с «золотой крышей», который стоит на большом зеленом лугу, но в котором никто не живет. Неожиданно он видит, как «...вдруг подкатилась к крыльцу коляска и приехала королева — сама вся черная и люди черные, и кони вороные» [2; II, 343].

На Ивана была возложена миссия — освободить королеву от «нечистых», которые завладели ею и ее дворцом. Он должен пройти через тройное испытание во дворце после полуночи. В первую ночь черти «завопили-закричали, пляс подняли... стали напущать на него разные страсти» [2; II, 343]. На вторую ночь на помощь чертям приходит их дедушка (сатана), а на третью — мучил Ивана уже целый сонм. И с каждым испытанием героя шел процесс очищения королевы, ее людей и лошадей: сначала они побелели по грудь, на второй день — до колен, а на третий — все очистились, а на месте дворца, которым завладели черти, «и следов не осталось, сквозь землю провалился, а на том месте пламя пышет» [2; II, 345]. Спасение в данном случае зависит только от смелости и находчивости героя-освободителя. Иван — в прошлом служилый солдат, которому все в жизни не помеха, даже нечистая сила.

В другой сказке, «Свиной чехол» [2; II, № 290], зло заключено во внешнюю форму — это свиной чехол, в который прячется героиня и который для всех ассоциируется с ее обликом — «зверь не зверь, а чудо чудное, диво дивное». И сама она начинает осмыслять себя так же: «я Свиной Чехол». Внешний облик ассоциируется с ее собственным именем. В данном варианте сюжета всемирно известной сказки о Золушке и с тем же исходом отсутствуют нездешние силы, но отголосок их присутствия намечен в прозвище героини.

Как уже было сказано, свинья в Священном Писании — нечистое животное. И в народной несказочной прозе — быличках — в свинью

обращается обычно колдунья. В данной же сказке со свиным чехлом связан не только внешний облик зла, но и злая доля, которую терпит героиня. В сказке зло несет на себе и знак противоположного значения, связанного с «остранением» тех свойств, носителем которых является основной персонаж сказки (ср. со сказкой «Царевна-лягушка»).

В волшебных сказках зло может предстать и как самостоятельная сущность, поселившаяся в человеческом теле и мучащая его. Это можно увидеть в двух сказочных сюжетах из собрания А.Н.Афанасьева: «Солдат избавляет царевну» [2; I, № 153] и «Иван — купеческий сын отчитывает царевну» [2; III, № 364].

В первой царевна страдает от порчи, которую на нее напустил чужестранный принц — вселил в ее тело «нечистых» за отказ выйти за него замуж: «Не дает ей нечистая сила по ночам покою: бьется сердечная и кричит без памяти» [2; I, 341]. Избавителем героини от нанесенного зла является ловкий солдат, который только посредством использования православных приемов сумел справиться с нечистой силой. Так, он «запер во дворце все окна и двери накрепко и закрестил их православным крестом, только одну дверь оставил незапертой» [2; I, 341], чтобы могла пройти нечистая сила. «В тринадцать ночей перебивало у солдата тринадцать нечистых в переделке, и всем равно туго пришлось» [2; I, 343], вплоть до дедушки Сатаны. Бравый солдат не только излечил царевну, но и сумел спрятать всю нечистую силу в ранец, и, хорошо проучив ее, расправился с ней, доказав свою сметливость и хватку: черти изгоняются в буковище под мельницу, где навсегда и остаются.

Случилось то, чего они боялись — им больше нельзя творить зло, некого мучить. А ведь суть бесов в том и заключается, чтобы «только бы им не остаться без всякой жертвы, без всякой пищи, то есть без возможности кого-либо мучить и терзать в Божественном мире» [1; 156]. Это и есть та «бездна, не имеющая никуда выхода из самой себя...» [1; 157]. И в этом суть победы, которую так глубоко смог осмыслить и отобразить народ.

В другой сказке, «Иван — купеческий сын отчитывает царевну», являющейся вариантом мотива «отчитывания мертвой девушки-колдуньи» (использованным Н.В.Гоголем в повести «Вий»), спасти герою от злого inferнального начала, носителем которого является мертвая царевна-людоедка, помогает Божья Сила, представленная образом «седого старичка» — «дедушки», оказавшегося в итоге апостолом Петром.

Три ночи в соответствии со сказочным каноном дежурит купеческий сын в церкви. Три ночи встает из гроба царевна и «кричит на раз-

ные голоса и по-собачьи, и по-кошачьи» [2; III, 129], но достать героя не может. Злая сила отступает перед апостолом Петром, который находился на хорах (икона), где прятался герой: «...вдруг от иконы глас раздался: "Изыди, окаянный!". В ту же минуту злой дух оставил царевну, пала она перед иконою на колени и начала со слезами молиться...». Спасшись, купеческий сын стал рядом с царевной — «крестится да поклоны кладет» [2; III, 129].

Основной постулат православия — послушание является главным идейным стержнем сказки, так как послушание — жизнь в соответствии с нравственными высшими нормами православия — есть подлинный закон бытия. Именно послушанием побеждается зло в финале сказки: в дележе со стариком наполовину всего добытого, вплоть до оставленной злым духом царевны. В сказке христианские нормы переплетаются с древними языческими представлениями, когда утверждается победа над материализованным злом. Старик мечом «рассек царевну надвое — поползли из нее разные гады и змеи. Старик перебил всех гад и змей, сложил царевне на тело, взбрызнул раз святой водою — тело срослось...» [2; III, 130].

В отличие от Писания сказка не интересуется злым духом после того, как он покинул царевну. Он просто является инородным, ненужным началом для человеческого существа. Без него царевна обретает свою подлинную сущность: «сделалась краше прежнего». Для сказки важен не только благополучный конец, но еще более — мораль, которая звучит от лица старика: «...живи праведно, никого не обижай, нищую братию наделяй да молись святому апостолу Петру». И даже подводится итоговая черта, к чему приводит послушание: «...жил со своею царевной долго и счастливо», а также жизненная ориентация на высшее духовное начало: «...никого не обижал и бедным завсегда помогал» [2; III, 130].

Ко всему сказанному можно привести в качестве примера еще одну сказку — «Мертвая людоедка», очень близкую к последнему варианту, но интересную тем, что она была записана в конце XIX — нач. XX века на территории Удмуртии, среди населения Прикамья, удмуртским ученым Г.Е.Верещагиным. Сказка, по всей вероятности, несет на себе определенные черты обработки рукой священника [3].

В ней по сравнению с предыдущей сказкой усилена моралистическая направленность. Основным духовным наставником героя является старик, к тому же нищий: «...старик имел вид благообразный, чем внушал почтение к себе». Старик в данной сказке — провидец. Он предсказывает молодому купчику, что его ожидает в часовне и как себя вести: «...милосердие Божие при вере сохранит тебя невредимым; толь-

ко должен ты во всем покориться моему совету». Он является носителем основной идеи сказки: «Надо терпеть: без терпенья нет спасенья. Как перенесешь все, получишь счастье». Герой так и поступает, сохраняя послушание старцу, как отцу, на протяжении всего сказочного сюжета.

Мертвая людоедка, встающая из гроба после двенадцати часов ночи, ведет себя в поисках человека, как «зверь животное». Но с пением петухов ее бесовская сила исчезает. И только на третью ночь бесовская сила окончательно отступает перед крестным знаменем, которым огораживает себя герой, и перед молитвами, которые он заставляет ее читать. На рассвете героиня благодарит его: «Господь послал тебя избавить меня от дьявола».

Как и в сказке Афанасьева, внимание акцентируется не на дьявольской основе, внедрившейся в человека, которая деформирует его сущность, а на том, как она предстает в своей предметной наглядности. Старик не мечом, как у Афанасьева, а тростью ударяет молодушку: в язычестве это могла быть ветка-живилка, а в данном случае она — атрибут божественной силы: «молодушка рассеклась пополам, из нее вышло семь змей. Старик убил этих змей и опять ударил по молодушке. Молодушка срослась».

При вариативности финал сказки так же моралистичен, но более конкретизирован: «Торгуйте честно, людей не обмеривайте, не обвешивайте, за большим барышом не гонитесь — и будете жить счастливо». И с этими словами старик исчезает. «Только тогда и понял купчик, что это был какой-нибудь угодник Божий».

Таким образом, волшебных сказок, в которых зло в человеке предстает как inferнальное начало или как самостоятельная сущность, которую можно убрать, вынуть из человека, немного. Но они показательны, так как древняя основа и христианские воззрения в них переплетены, говоря о том пути, которым пошло народное сознание в сторону осмысления такого понятия, как нравственная сущность человека, отраженная при формировании блока русских народных сказок с православным моралистическим фундаментом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Семь слов о стране Гадаринской // Архиепископ Иоанн Сан-Францисский (Шаховской). Апокалипсис мелкого греха. М.: Лепта-Пресс, 2005. (Религ.-филос. сер.).
2. Русские народные сказки А.Н.Афанасьева: В 3 т. М.: ГИХЛ, 1958.
3. Мертвая людоедка // Верещагин Г.Е. Собр. соч.: В 4 т. Ижевск, 2002. Т. 4. Кн. 2. Русский фольклор. С. 32—36.